

С. А. БОГОЛЮБОВ,

*заведующий отделом аграрного и экологического законодательства
Института законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве РФ, заместитель председателя редколлегии
«Журнала российского права», доктор юридических наук, профессор*

ЭТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Обсуждение проблем этики, соотношения нравственности и права, науки юриспруденции, профессии юриста носит перманентный характер. И в этих, во многом «заезженных» темах всегда найдется что-нибудь новое, острое и современное.

Распространенные разговоры и дискуссии об этике и нравственности должны учитывать наличие разных представлений о добре и зле у разных слоев населения, классов, элит общества, причем каждая из этих групп по-

лагает свои представления о них приоритетными, наилучшими, наиболее правильными. А побеждают, по крайней мере на определенном этапе, те, кто обладает властью, силой, хитростью, кто способен свои этические и моральные воззрения и представления воплотить в праве, снабдить их аппаратом государственного принуждения и (или) массового убеждения.

Перефразируя философов середины XIX века, можно сказать, что «ваше право есть

возведенная в закон воля вашего класса, обусловленная материальными условиями жизни» и этическими, нравственными представлениями «вашего класса». Добавим, что несмотря на относительно устойчивый характер по сравнению с законодательством, этика и нравственность очень зависят от материальных условий жизни: сколько раз мы за последние десятилетия наблюдали резкое изменение представлений о справедливости и добродетелях у разного уровня функционеров, чиновников и олигархов в зависимости от изменения их служебного либо социального положения!

В области природопользования, казалось бы, должны существовать достаточно общие для всех представления о нравственном: природа — наша мать, наше общее богатство; надо ее беречь и для себя и для всех; аморальны те, кто ее загрязняет; их надо наказывать по всей строгости закона, и она еще недостаточна, и т. д. Большинство этих воззрений впервые стали нормами, принципами российского законодательства еще в 1960 году в Законе «Об охране природы в РСФСР»; кстати он оказался малоэффективным ввиду «перебора» этики, нравственности и «недоработки юридичности» в содержательном плане.

Немало этических, нравственных постулатов и в общепризнанных нормах и принципах, договорах и иных актах международного права, куда они частично перекочевали из российских законов 1960–1970-х годов, и откуда они в значительной мере снова включены в российское законодательство в 1990-х. Отметим три особенности соотношения этики, морали и права, свойственные, по видимому, не только экологическому, но и иным отраслям российского законодательства.

Во-первых, в природоохранном законодательстве заложены не только моральные, но и заведомо антиморальные (в общепринятом понимании) нормы. Например, в законе: планируются загрязнения окружающей среды, за которые предполагается взимание платы, и повышенное загрязнение с повышенной платой; регулируется проектирование предприятий, заведомо загрязняющих среду, с учетом экологической емкости региона; устанавливаются нормативы, сроки и виды загрязнений; подписанием Киотского протокола предполагается продажа невыбранных квот на загрязнения; допускается антропогенное доведение территорий до состояния экологического бедствия и т. п. Можно объяснить это уровнем научно-технического прогресса, невозможностью и нецелесообразностью его

остановки, но законом не запрещаются, а планируются, заведомо оправдываются загрязнения и чрезвычайные экологические ситуации. Иначе говоря, загрязнение природы узаконивается, подчиняется с помощью права экономическим интересам, и не всеобщим, а групповым. Представления о добре и зле в области природопользования таким образом усложняются и в определенной степени становятся неоднозначными.

Во-вторых, законодательство чутко отражает экономические настроения правящих элит, участвующих в формировании нормативной правовой базы отношений общества и природы, будь то завоз и захоронение радиоактивных отходов, приватизация лесов и лесных земель, экологические требования к импорту продукции и материалов, бесплатное отчуждение сельскохозяйственных земель, ослабление требований государственной экологической экспертизы, функционирование полноценных и полномочных природоохранных органов.

По общему признанию, происходит деэкологизация предусмотренного законом государственного управления, обусловленная сиюминутными экономическими интересами (а они всегда антагонистичны экологии, думам о благосостоянии настоящего и будущих поколений), погоней за прибылью сегодня и игнорированием того, что наступит завтра. Оптимизм, связанный с созданием в ходе административной реформы контрольных природоохранных органов, постепенно гаснет: прошедший год продолжил неразбериху в области формирования системы экологического контроля, разграничения функций природопользования между Федерацией, ее субъектами и муниципальными образованиями, продолжающейся реорганизации природоохранных организаций и учреждений.

Экологические мотивы, забота о «птичках и цветочках», чистой воде и чистом воздухе и у граждан отступают на задний план по сравнению с другими более насущными материальными интересами и проблемами, а рассуждения об украденных у народа недрах, лесах и иных природных богатствах носят в основном обыденный, неконкретный, «кухонный» характер. Отдельной этической темой может стать неумелость, пассивность в реализации своих либо общечеловеческих моральных норм; национальная ли это черта, есть ли место этой проблеме в философии, теории права и государства, насколько она связана с правосознанием, системой иных социальных норм?

Связанные с этикой и нравственностью законодательные экологические решения варьируются в зависимости от преобладания тех или иных группировок в законодательных органах, силы и масштабов лоббирования их интересов. Площадь обособленных водных объектов, которые могут находиться в частной собственности, в последнее десятилетие то ограничивается, то не ограничивается; устанавливается то максимум, то минимум земель сельскохозяйственного назначения, которые могут быть у одного лица в одном регионе; приватизация лесных земель то предлагается, то запрещается законом.

В-третьих, даже у индивидуумов этические и моральные ценности различаются степенью адекватности общепринятым ценностям и неодинаковым подходом к подкреплению их реализации действием. Все граждане — за охрану природы, против ее загрязнения, но по-разному участвуют в мероприятиях по отстаиванию своих частных, переходящих в публичные интересов.

Большинство граждан требуют реализации прав на благоприятную окружающую среду, приостановки или закрытия наиболее вредных производств и предприятий, но вопреки их желаниям число закрываемых производств с каждым годом уменьшается. От загрязнений страдают в наибольшей степени проживающие вокруг граждане, но именно они выступают против закрытия предприятий, хотя эти предприятия, как правило, являются градообразующими, дают их работникам основной доход, а то и единственные средства к существованию.

Экологическое зло часто видится абстрактным, ассоциируется с далеко отстоящими во времени и пространстве феноменами, с требованиями ужесточения ответственности за экоцид и иные экологические правонарушения. Когда дело доходит до главного инженера конкретного предприятия, основного загрязнителя местности, этические и моральные взгляды меняются, и для него просят снисхождения, прощения, оправдания.

Известны многочисленные случаи равнодушия граждан к свалкам, к выбросу бытовых и производственных отходов: водители самосвалов, вывозящих мусор, рады его скинуть при малейшем ослаблении или отсутствии контроля над местами его складирования и захоронения, что является актуальной проблемой современных мегаполисов и экологического законодательства. Эти же водители весьма активны в борьбе со сбросами отходов под окнами своего дома.

Дискуссии об этике и нравственности, таким образом, весьма многоплановы и не имеют общего знаменателя ввиду различных этических представлений разных лиц об их критериях, даже основных. Теория права и отрасли права и законодательства связаны этой темой постольку, поскольку нравственные начала, принципы справедливости, гуманизма упомянуты в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, ч. 2 ст. 1 и ч. 2 ст. 6 Гражданского кодекса РФ, ст. 2 Трудового кодекса РФ, ст. 6, 7, ч. 2 ст. 43 Уголовного кодекса РФ, в Федеральном законе РФ «Об охране окружающей среды» и ряде других федеральных законов.

Для того чтобы право не потеряло своих признаков категоричности, обязательности, нормативности, надо продолжать обосновывать подходы к указанным проблемам и вырабатывать критерии нравственности, предусмотренной в указанных нормативных правовых актах, наполнять ее юридической определенностью, содержанием и правовыми последствиями. Без этого и экологическое, и иные отрасли права и законодательства не избежат размытости, эгоистичности законодателя, волюнтаризма правоприменителя.

В то же время нельзя допускать придания этическим воззрениям группы либо групп лиц характера обязательного законодательного предписания, который бы навязывал эти воззрения (которые могут быть ошибочными, сепаратистскими, неинтеллигентными) большинству остальных граждан. Законодательство призвано быть в основном итогом консенсуса в обществе, средством обеспечения правопорядка, как он понимается благоразумными, «добропорядочными» гражданами, а не коррупционерами или криминалом.

Основой российского законодательства, и особенно такого гуманного, каким является экологическое, уже служит некий примерный набор этических ценностей: надлежащие природные блага входят в прожиточный минимум, в «корзину» неотъемлемых прав человека. В законе сказано, что природа — общее достояние, основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории; каждый может свободно владеть земельным участком, если это не наносит ущерба окружающей среде; каждый обязан сохранять окружающую среду, беречь природные богатства. Главное — обеспечить функционирование механизма неуклонного исполнения этих этических требований, закрепленных в законодательстве.